

Двадцать девятый день двенадцатого месяца ознаменовал канун Нового года.

В прежние времена Цзи И уже всю носился бы по столице со своей компанией праздных друзей, но в этом году ему досталась горькая доля: юноша, чьё лицо раскраснелось от лютого холода, из последних сил старался сохранять неподвижность, отрабатывая на снегу стойку всадника.

Инь Чжуншань размеренно прохаживался рядом.

— Спину ровнее! — гремел его голос. — Ноги не должны дрожать!

Цзи И чувствовал себя глубоко несчастным. Он украдкой бросал на командующего многозначительные взгляды, умоляя того, как и прежде, закрыть на всё глаза и проявить хоть каплю милосердия.

Раньше Инь Чжуншань потакал прихотям Шицзы и даже ввязывался из-за него в драки, но стоило Цзин-вану лишь раз одарить его предостерегающим взглядом, как подчинённый всерьёз обеспокоился за своё жалованье. Спускать дело на тормозах он больше не решался.

Ноги наследника ходили ходуном, точно решето. Цзи Сюнь же, казалось, вовсе не замечал страданий сына. Он сидел в центре двора, неспешно подрезая ветви сливы, ещё подёрнутые инеем.

Пот градом катился по лицу юноши, мышцы судорожно сокращались — он был на пределе.

— Отец, умоляю! — взмолился он. — Позволь мне сегодня отдохнуть. Я хотел вечером подняться на гору к храму Хуго.

Цзи Сюнь, не отрываясь от своего занятия, безучастно обронил:

— В таком случае тебе стоит усерднее молиться тамошним богам. Глядишь, они явятся мне во сне и велют дать тебе вольную.

Цзи И замер с открытым ртом. Он был готов разрыдаться.

— Отец, я правда больше не могу стоять...

Наконец Ванье закончил терзать ветку, которая после его трудов стала походить на обглоданную собакой кость. Небрежно ткнув её в вазу, он слегка приподнял веки:

— Тебе ведь не удалось заполучить право зажечь первое благовоние в храме. Зачем же идти туда среди ночи?

— Всё равно вас никогда нет дома в канун Нового года, — обиженно пробормотал юноша. — Уж лучше я проведу время с Лян Фаном...

— Что ты сказал? — переспросил князь.

— Ничего, — поспешно исправился Цзи И. — Несколько дней назад вы подавили мятеж в лесу Нанься, так что сегодня в храме наверняка будет не протолкнуться. Чу Чжаохуай даже на прогулочной лодке ни разу не катался, он и жизни-то настоящей не видел. Я хотел показать ему, как бывает шумно и весело... то есть, я хотел, чтобы он немного развеялся.

Рука Цзи Сюня, поправлявшая цветы, на миг замерла. Он перевёл взгляд на Инь Чжуншаня. Командующий, стоявший к нему спиной, как раз усердно раздувал угасающее благовоние. Почувствовав кожей тяжёлый взор, он мгновенно обернулся с предельно серьёзным выражением лица.

— Где вещь? — коротко бросил Цзи Сюнь.

— Чжоу Хуань уже отправился за ней, — отрапортовал тот.

Князь вернулся к своей икебанае.

Цзи И, чьё лицо побагровело от напряжения, дождался, пока палочка благовония догорит до конца, и тут же мешком повалился на землю.

— Мои ноги... мои бедные ноги... — запричитал он.

От этого резкого движения из его рукава с негромким стуком выпал изящный футляр. Инь Чжуншань подошёл и поднял его. Вещица выглядела дорогой и изысканной.

— Где это Шицзы раздобыл такую новую игрушку? — с улыбкой спросил он.

Вытирая пот, юноша с трудом поднялся и, забрав подарок, сунул его за пазуху.

— Да нет, это не игрушка, — небрежно бросил он. — У Чу Чжаохуая серебряные иглы совсем старые стали, вот я и велел мастерам изготовить для него золотые.

Инь Чжуншань осекся. Цзи Сюнь медленно поднял голову.

Цзи И, не заметив странной перемены в их лицах, чинно поклонился:

— Отец, я пойду к Чу Чжаохуаю.

И, прихрамывая, он направился к покоям Ванфэй.

Лицо Инь Чжуншаня стало почти зелёным. Он осторожно покосился на князя. Цзи Сюнь с бесстрастным видом отбросил ветку сливы на стол — интерес к цветам у него явно пропал.

— Сделай для меня кое-что, — ледяным тоном произнес он.

Инь Чжуншань затаил дыхание.

«Неужто придётся избавляться от молодого наследника?»

Но не успел князь договорить, как во двор вбежал сияющий Чжоу Хуань. Бережно держа в руках свежееизготовленный набор, он радостно возвестил:

— Ванъе! Золотые иглы готовы, ещё остыть не успели! Ванфэй как увидит — вмиг раздобрет и позабудет все обиды!

Цзи Сюнь: «...»

Инь Чжуншань: «...»

Ванфэй действительно пришёл в неопишуемый восторг, получив подарок.

Все трое во дворе были мастерами боевых искусств, чей слух превосходил обычный. Из-за плотных занавесей кровати-алькова до них долетел сонный, но явно обрадованный голос Чу Чжаохуая:

— Это правда... правда для меня?

Цзи И в это время вовсю разыгрывал из себя благодетеля:

— Кхм... В столице столько народу пытается выслужиться перед наследником князя, что я уже и не помню, кто мне это подсунул. Всё равно на складе пылилось бы. К тому же, если ты будешь лечить Лян Фана золотыми иглами, это пойдёт ему на пользу. Так что... бери и пользуйся. И чего ты на меня так смотришь?! Ай! Что ещё за взгляд?! Если не хочешь — верни сейчас же!

Настроение Чу Чжаохуая явно улучшилось. В его мягком голосе проскользнули певучие нотки цзяннаньского говора; он с лёгким смешком ответил:

— Что ж, придётся мне, так и быть, принять их, чтобы такое сокровище не пропадало зря. Можешь не благодарить, Шицзы.

Цзи И: «...»

Атмосфера во дворе стала невыносимо тяжёлой. Инь Чжуншань боялся даже дыхнуть, и лишь простодушный Чжоу Хуань продолжал радоваться:

— Вот и славно! Я же говорил, что золотые иглы — лучший способ утешить Ванфэй. Слышите, он смеется!

Командующий не выдержал и отвесил ему увесистый пинок. Инструменты-то подействовали, вот только подарил их не Ванье.

Цзи Сюнь бросил мимолетный взгляд на окна спальни. Его лицо осталось непроницаемым. Он небрежно отложил ножницы и жестом велел Инь Чжуншаню увозить его прочь.

Внутри покоев Чу Чжаохуай, чей нрав годы лишений стёрли почти до основания, быстро нашёл способ успокоить себя. Угнетённое состояние и та щемящая боль в сердце, что мучила его последние дни, отступили, уступив место прежней живости.

Набор золотых игл заставил его лицо сиять от счастья. Цзи И поначалу чувствовал себя не в своей тарелке, но, видя искреннюю радость юноши, ощутил, как к щекам приливает жар. Заплетающимся языком он пробормотал:

— Если нравится, то... Ай!

Чжаохуай, не в силах сдержать восторг, левой рукой выхватил одну иглу и точным движением вонзил её в запястье Шицзы. Тот едва не подскочил до потолка:

— Ты что творишь?!

Инструменты были настолько тонкими, что могли сломаться от малейшего усилия, но Чжаохуай владел какой-то особенной техникой: едва ощутимый щелчок пальцами — и игла вошла в акупунктурную точку. Она стояла идеально ровно, и на её кончике можно было заметить едва уловимую вибрацию.

На бледном лице Чжаохуая проступил лёгкий румянец:

— И правда, они куда послушнее серебряных.

— Даже если послушнее, — взвыл Цзи И, — испытывать их на живом человеке — это ли не кощунство?!

— Не вертись, — Чжаохуай удержал его за руку, пробуя ещё несколько игл. — У тебя мышцы дрожали от напряжения, а после этих уколов ломота в ногах пройдёт.

Наследник замер. Кажется, процедура и впрямь подействовала.

«Ладно уж, пусть колет»

Насладившись испытанием на «подопытном», Чу Чжаохуай бережно убрал сокровище в футляр. Цзи И потирал запястье, чувствуя, как уходит усталость, и вдруг его взгляд упал на перебинтованную правую руку юноши.

— Неужели рана настолько серьёзная?

— Пустяки, — небрежно отмахнулся Чжаохуай. — Я всё равно не привык пользоваться правой рукой.

Сын князя, глядя на синеватые кровоподтеки, невольно поморщился от сочувствия. Он хотел было что-то сказать, но его прервало отчётливое урчание.

Чу Чжаохуай проголодался.

Как раз в это время подошёл Чжао Бо, чтобы пригласить Ванфэй к столу. Чжаохуай, коснувшись своего возмущённого желудка, слегка нахмурился. Ему казалось, что он вполне мог бы поголодать ещё немного.

Но старик мягко произнёс:

— Снег снова пошёл, во дворе ещё не успели всё расчистить. Поэтому стол накрыли в боковой комнате ваших покоев — всего несколько шагов.

Цзи И поднялся, потягиваясь:

— Отца... кхм, я видел, на улице никого нет, видать, занят делами. Я как раз присоединюсь к обеду.

Чжаохуай поспешно встал, приводя в порядок одежду, и под торжественный аккомпанемент собственного желудка с самым невозмутимым видом отправился трапезничать.

Боковая комната, хоть и считалась частью спальни, была просторнее, чем всё жилище Чжаохуая в Линьане. Слуги как раз заканчивали прибирать там вещи. На круглом столе дымились яства: здесь была не только рыба, но и несколько изысканных блюд лечебной кухни.

Цзи Сюня и впрямь не было.

Чжаохуай невольно выдохнул с облегчением и сел за стол. Цзи И, нимало не смущаясь, принялся уплетать еду.

— Хм, вкус этих акульих плавников с золотым османтусом кажется мне очень знакомым. Точно такой же подают на императорских пирах, только тамошние повара владеют этим секретом. Неужто наш повар ухитрился подсмотреть рецепт?

Чжао Бо промолчал. Чжаохуай попробовал кусочек:

— А разве обычные плавники имеют другой вкус?

В тот день во дворце он съел их немало.

— Ещё бы! — воскликнул юноша. — Даже в Башне Цзяофо не умеют так готовить.

Он явно обожал это блюдо — его палочки так и мелькали над тарелкой, которая стремительно пустела. Чжао Бо несколько раз бросал на Шицзы многозначительные взгляды, но тот был слишком занят едой. Тогда дворецкий, под предлогом подачи супа, незаметно пододвинул блюдо поближе к Чжаохуаю.

Весь обед для управляющего превратился в сплошную череду хитроумных манёвров.

Наевшись досыта, Цзи И подпёр подбородок рукой и уставился на Ванфэй. Тот как раз пил лекарство. Его брови были слегка сдвинуты, а бледное лицо казалось чистым, как нетронутый утренний снег. В каждом его движении сквозила такая хрупкость, будто он в любой миг мог растаять или улететь вместе с ветром.

Он был совсем не похож на столичных жителей.

Цзи И засмотрелся и вдруг невольно пробормотал:

— Неужто у вас в Цзяннани все такие красивые?

Чжаохуай не расслышал.

— Что ты сказал? — переспросил он с недоумением.

Юноша словно очнулся от сна. Осознав, что ляпнул лишнее, он мгновенно покраснел до самых корней волос. Вскочив со стула, он в полном замешательстве выпалил:

— Я... я ничего не говорил! Ухожу!

И, точно за ним гналась стая волков, он бросился вон из комнаты. Чу Чжаохуай лишь пожал плечами и продолжил послушно пить лекарство.

Цзи И нёсся прочь, мечтая зарыться головой в сугроб, чтобы унять пылающий жар на лице. Но стоило ему выбежать во двор, как его окликнул старый слуга:

— Шицзы, Шицзы, постойте!

Юноша похлопал себя по щекам и с напускным спокойствием обернулся. Чжао Бо подошёл к нему, и на его лице снова появилось то самое выражение нерешительности.

Цзи И хорошо знал этот взгляд. Каждый раз, когда он врывался в покои отца к Чу Чжаохуаю, управляющий, знавший его с пелёнок, смотрел на него именно так — словно хотел сказать что-то, но не решался.

— Чжао Бо, ну что на этот раз?

Старик негромко вздохнул:

— Шицзы, кажется, вы уже достигли того возраста, когда пора задуматься о женитьбе...

Не успел он закончить фразу, как глаза Цзи И едва не вылезли из орбит. Он схватил собеседника за плечи и в ужасе прошептал:

— Неужто отец решил меня на ком-то женить?! Нет-нет-нет! Только отец обзавёлся семьей, и тут же меня под венец — это же ни в какие ворота! Чжао Бо, спаси меня!

Управляющий, видя, что юноша несёт околесицу, не знал — смеяться ему или плакать.

— Успокойтесь, Шицзы. О женитьбе речи не идёт.

Цзи И перевёл дух.

— Шицзы и сам знает, что Ванъе теперь женат, — деликатно продолжил Чжао Бо. — Раньше вы могли входить в его покои когда вздумается, но теперь всё иначе. Шицзы должен знать правила приличия и избегать подозрений.

Брови юноши поползли вверх:

— Избегать подозрений? В чём это?

Поняв, что намеки не действуют, старик сказал прямо:

— В общении с Ванфэй.

— Да он почти мой ровесник, к тому же мужчина! — ещё больше изумился Цзи И. — Тем более, на отце он женился по чистой случайности, и они наверняка скоро разведутся. О каких приличиях речь?

Чжао Бо только вздохнул.

«Вот ведь сорвиголова, и мысли у него под стать»

Даже если этот брак был ошибкой, государь его признал. А императорское веление — это не та вещь, от которой можно просто так отмахнуться.

— Если судить по статусу, — наставительно произнес Чжао Бо, — Ванфэй придется вам старшим. Неужто в чужом доме Шицзы тоже позволил бы себе врываться в личные покои хозяина?

Цзи И покачал головой. Кажется, до него начал доходить смысл слов старика.

— А, — протянул он, нахмурившись. — Значит, мне теперь и видеться с ним нельзя?

— Видеться можно, — ответил управляющий, — но лучше не оставаться наедине и уж тем более не выходить вместе в свет. Излишняя близость ни к чему.

Юноша недовольно скривился, буркнул невнятное «ладно» и ушёл прочь в дурном расположении духа.

Чу Чжаохуай почти никогда не праздновал канун Нового года. В Линьане он знал, что его присутствие никому не в радость, а потому старался не мешать чужому веселью, в одиночестве коротая праздничные часы в своём дворике.

В этом году ничего не изменилось. Затворив двери кровати-алькова, он весь день напролёт любовался своим новым сокровищем — золотыми иглами.

Аньвэй, дежуривший на балке и ведущий «Записки о ванфэй», чувствовал, что его ноги уже окончательно затекли. Увидев, что юноша уснул после обеда, он бесшумно спустился вниз и отправился к князю.

Едва он добрался до кабинета, как туда же поспешил Чжоу Хуань с письмом в руках. Государь, сочувствуя недугу Цзи Сюня, освободил его от утренних аудиенций, но князь, хоть и оставался дома, постоянно был чем-то занят.

Чжоу Хуань положил письмо на стол, заваленный свитками:

— Ванъе, письмо от Великой княжны.

Аньвэй стоял поодаль, ожидая своей очереди. Цзи Сюнь небрежно кивнул, но даже не взглянул на письмо, вместо этого жестом подозвав стража. Тот поспешно протянул ему записи.

За двадцать девятый день двенадцатого месяца страница была почти пуста.

«...Дел не имел, в алькове рассматривал золотые иглы. После приёма лекарства в полдень уснул. Из спальни не выходил».

Цзи Сюнь дважды перечитал эти строки. Его взгляд надолго задержался на фразе «из спальни не выходил».

— Где Цзи И? — внезапно спросил он.

— Шицзы собирается вместе с наследником Ляном отправиться в храм Хуго.

Цзи Сюнь слегка нахмурился. Бросив записи на стол, он холодно приказал:

— Позови Чжао Бо.

Цзи И уже собрал вещи, намереваясь провести в храме Хуго пару-тройку дней. Всё равно отца

не будет дома. Одно лишь не давало ему покоя — мысль о Чу Чжаохуае, которому придётся куковать в одиночестве.

Но, поразмыслив, он решил, что Чжао Бо прав.

«Ванфэй — человек семейный, — размышлял он, — и как бы там ни сложилось в будущем, сейчас он по закону считается супругом моего отца. Негоже нам вдвоём по столице разгуливать. Случись что — люди только над отцом смеяться будут»

Да и на прогулочную лодку зря он его таскал. Третий принц и его компания — те ещё сплетники, небось, за спиной уже косточки Чу Чжаохуаю перемывают. Решено: впредь нужно держаться на расстоянии.

Говорят, гадания в храме Хуго очень точные. Может, стоит попросить жрецов узнать, когда этот бедолага исцелится от своего недуга?

Пока юноша предавался раздумьям, в дверях показался дворецкий.

— Шицзы.

Цзи И обернулся и снова увидел это невыносимое выражение лица.

— Чжао Бо, клянусь, я ни в чём не виноват! — выставил он руки вперёд. — Я весь день на улице был, к Ванфэй ни ногой! Соблюдаю приличия!

— Кхм, — тот прочистил горло. — Ванъе велел передать: для Шицзы уже нашли человека, который зажжёт первое благовоние. Сегодня вечером вас проводят из города под охраной.

Цзи И на мгновение замер, а затем радостно подпрыгнул:

— Правда?! Говорят, цена за первое благовоние дошла до двухсот тысяч ланов! Неужто отец ради меня... О-о-о!

Наследник редко видел столь явные проявления отцовской любви. От избытка чувств он даже шмыгнул носом:

— Обещаю, я буду усердно учиться, чтобы не подвести отца.

Чжао Бо поспешил его успокоить. Эмоции у юноши менялись стремительно, он быстро вытер лицо и, шмыгая носом, спросил:

— Вы сказали «вас»? Меня и Лян Фана?

— Нет, Шицзы и Ванфэй, — смущенно ответил дворецкий. — Ванье опасается, что Ванфэй совсем заскучает, не выходя из алькова. Шицзы должен взять его с собой в храм Хуго, чтобы тот развеялся. В толпе всегда веселее.

Цзи И окончательно запутался:

— А? Но вы же сами сегодня твердили, что нужно держаться подальше!

Старый дворецкий покраснел до корней волос, но, пересилив себя, твёрдо произнёс:

— Ванфэй — ваш ровесник, к тому же мужчина. О каких таких подозрениях может идти речь?

Цзи И: «.....»

<http://bllate.org/book/15341/1372983>